

Однако матушка слишком хорошо знала отца. Слова о «сохранении жизни любимого сына» были поистине мастерским ходом. Наша династия пришла после Суй, и вскоре после основания случился инцидент у ворот Сюанью. Во времена Тайцзуна его сыновья непрерывно враждовали. Отец, которому тогда уже было за десять, отлично видел все сопряженные с этим опасности. Потому-то он и питал такую неприязнь к братоубийственным распрям, а в мирные дни всегда наставлял нас жить в дружбе и согласии.

Помню, он однажды хотел устроить состязание по перетягиванию каната между вторым и шестым братьями, но Вэй Шулинь сказал: «Нельзя допустить, чтобы брат пошел на брата и положил начало распрям». И отец отказался от этой затеи. Теперь же, видя, как князь У и наследный принц враждуют друг с другом, как мог он не насторожиться? По примеру Тайцзуна: если поставить старшего, остальные сыновья не выживут. Так уж лучше поставить младшего, вовсе не замешанного в распрях: и чаяния Поднебесной угаснут, и жизни всех сыновей сохранятся. Отец ненавидел междоусобицы среди детей, ценил семейную гармонию — это, должно быть, и было той опорой, на которую изначально рассчитывала матушка, вызывая князя У в столицу.

Я сильно сомневаюсь, что распространителем тех летучих писем с клеветой был именно четвертый брат. Не говоря уж о том, что он пробыл в столице недолго — откуда бы ему знать такие сокровенные подробности? — но даже если бы он и знал, то, видя, что матушка, как Тяньхоу, управляет государством вместе с императором, он должен был бы понять: не стоит впутываться в эти распри и лелеять несбыточные надежды.

Однако расследование вел Цю Шэньци, а значит, истинный зачинщик уже не имел значения. Более того, в случае нужды матушка могла бы взвалить на четвертого брата не только «распространение летучих писем с клеветой», но и «шпионаж за дворцовыми покоями». Ибо с чего бы иногороднему князю выведывать все дворцовые дела столь досконально? Князь с окраины, вместо того чтобы смиренно доживать век в своих владениях, является в столицу, заводит связи с придворными и знатью, да еще и столь подробно осведомлен о дворцовых делах — разве это не свидетельство злого умысла?

Но если бы четвертый брат не явился по вызову, матушка тоже нашла бы повод для обвинения: ты — сын и подданный, отец нездоров, желает тебя видеть, а ты медлишь и не едешь; приехал — хотят оставить погостить, а ты отнекиваешься. Разве это не непочтение? В своде законов, изданном отцом в ранние годы, непочтение входит в число десяти тягчайших преступлений.

Если вдуматься, у второго брата, сохрани он хладнокровие, почтительность, смирение и покорность во всем матушке, быть может, и был бы шанс. А четвертый брат с того самого момента, как покинул свои владения и отправился в столицу, был обречен. Таково превосходство того, кто стоит выше, над тем, кто ниже.

Мне остается лишь в очередной раз возблагодарить судьбу за то, что я — младшая дочь матушки и с самого начала встала на ее сторону.

Авторское примечание: В начале восьмого месяца наследным принцем был назначен князь Цзи Жуй. Зять Чжао Гуй был приговорен к смерти за соучастие в мятеже, но, поскольку он был женат на принцессе, казнь заменили ссылкой в Лючжоу. Принцесса Яньань и двое ее сыновей последовали за ним. Княгиня Цзи, госпожа Чжао, была заключена в Департамент Нэйши за преступления родителей. Ли Бинь был выслан в округ Ба.

В середине восьмого месяца низложенная княгиня Цзи, госпожа Чжао, умерла в заточении в Департаменте Нэйши и была погребена по обряду для простолюдинов. Низложенный

наследный принц Ли Шэн покинул Восточную столицу в сопровождении двух сыновей и дочери.

Мне снова привиделся кошмар. Но что именно — вспомнить уже не могу.

Наверняка было еще очень рано, куда раньше моего обычного пробуждения. Однако самое досадное в пробуждении под утро — это то, что, проспав ты хоть час, хоть четыре, низ живота все равно будет тянуть и распирает, заставляя подняться и сходить в отхожее место, иначе не заснешь снова.

В полудреме я перекатилась на кровати, изо всех сил пытаюсь разлепить глаза, но веки будто свинцом налиты. Вместо того чтобы подняться, я протянула руку вперед, невнятно пробормотала что-то — сама не знаю что. Но не беда: обычно после этого кто-нибудь сразу подходил, вел меня за ширму, помогал справиться нужду и переодеться, а то и давал пару глотков медовой воды. Все, что от меня требовалось, — закрыть глаза, протянуть руку и, стоя, продолжать спать. Разумеется, я позволяла себе такое поведение лишь потому, что знала: сегодня дежурит не А-Хуань. Будь на ее месте она, я бы сама неслышно поднялась, тихонько вышла и так же тихо вернулась, ни на йоту ее не потревожив.

Но сегодня дежурная, казалось, реагировала непривычно медленно. Я протянула руку, и лишь спустя мгновение она ее приняла. Держала она как-то не так — не больно, но без той привычной, беззвучной старательности. И, взяв мою руку, она не сразу повела меня с постели, а просто стояла, сжимая мою ладонь. Я, даже с закрытыми глазами, ощущала на себе ее пристальный, словно обжигающий взгляд.

Мне стало неловко. Я перевернулась на живот, уткнулась лицом в простыню, затем, откинув голову на левую руку, медленно разлепила веки. Сначала они были нестерпимо тяжелы, но, разглядев в щелчке, кто передо мной, я мгновенно проснулась, проворно вскочила, беспомощно повернулась к ней лицом. Хотела крикнуть «Матушка!», но с языка сорвалось:

— Ваше Величество.

Рука матушки застыла в воздухе. Пальцы медленно сжались, затем она и вовсе опустила руку, потупила взор и сказала:

— Твой старший брат сегодня отправляется в путь. Сходи... проводи его взглядом. Только пусть не видит тебя.

Сказав это, она поднялась и, не оглянувшись, вышла.

Я, все еще не придя в себя, поползла по ложу, подождала, пока она удалится, и тихо спросила дежурную служанку Сяньсянь:

— Когда пришла Ее Величество?

Сяньсянь ответила:

— Примерно полчаса назад. Ничего не говорила, только сидела и смотрела на госпожу.

Я спросила:

— Я во сне ничего не говорила?

Она покачала головой:

— Нет.

Я слегка успокоилась, велела подать одежду. Малые служанки, неопытные, приносили обычные домашние наряды, и после нескольких смен я занервничала, принялась топтать ногой. Сяньсянь поспешила сказать:

— Позвать госпожу Вэй.

Мигом служанка привела А-Хуань. Та лишь накинула одежду, зевнула и, увидев меня, сразу спросила:

— В этот час дворцовые ворота еще заперты. Куда это ты так спешишь?

Я ответила:

— Проводить второго брата.

Она вздрогнула, бросила на меня быстрый взгляд, ничего не сказала, лишь велела принести мужское платье. Мы обе переоделись, вызвали слуг из подчинения Дугу Шао, все облачились в костюмы ху, и весь наш отряд верхом добрался до дворцовых ворот. Матушка уже выслала туда человека; тот, завидев нас, предъявил скрепленный печатью указ, ворота отворили, и мы выехали.

Мы скакали по улицам Восточной столицы. Небо еще не светлело, кругом царили холод и безлюдье. Лишь изредка доносился бой ночных барабанов да попадались патрули стражи Цзинью.

Местом отправления была почтовая станция Дутин. Поскольку сослали низложенного наследного принца, провожать его не дозволялось. Мне пришлось укрыться наверху, у окна, и ждать вдалеке.

На рассвете Ли Шэн в сопровождении нескольких наложниц и слуг вошел на станцию. Трое его детей были в пеленках, младший сын Фэнцзе не достиг и месяца, и ни у кого из них не было кормилицы. Прежде у него было две лянди; теперь одна держала на руках Ли Вэй, другая — старшую дочь Ли Шэна. Сам Ли Шэн нес Фэнцзе. Два евнуха тащили поклажу, еще две старые служанки тоже несли узлы.

Все они, начиная с Ли Шэна, были облачены в одежды бурого цвета. Ли Шэн прежде всегда тяготился своей женственной внешностью, но теперь эта тягота отпала сама собой — за какие-то десять с лишним дней он страшно загорел, седина на голове была видна даже издали. Раньше он необычайно дорожил осанкой, каждое его движение было величаво и степенно. Эта привычка сохранилась и теперь, однако спина его уже непроизвольно сгорбилась. Его некогда тщательно ухоженная борода ныне была запущена, густой прядью свисая с подбородка. Ли Вэй, малолетний и не ведающий печали, на руках у няни агукал и тянулся, чтобы ухватить отцовскую бороду. А Фэнцзе, не получая материнского молока, заходился в реве. Одна из старых служанок взяла чашу, выпросила у смотрителя станции воды, смешала с каким-то порошком, размешала и начала кормить Фэнцзе с ложки. Не успела она сделать и нескольких глотков, как явились сопровождающие и принялись торопить. Ли Шэну пришлось, прижимая сына к себе одной рукой, позволить старой служанке нести чашу и, ковыляя, двинуться к выходу. Сделав несколько шагов, он, словно почувствовав что-то, обернулся и взглянул прямо в мою сторону. Я не успела отпрянуть, так и застыла у окна, бессмысленно глядя на него.

Он улыбнулся мне, что-то сказал смотрителю станции. Тот, казалось, был не очень рад, но после нескольких слов Ли Шэна все же принес бумагу и кисть. Ли Шэн вновь поднял взгляд ко мне, начертал несколько иероглифов, передал смотрителю, затем вышел, взошел на повозку, запряженную мулом, и медленно скрылся из виду.

Я долго стояла наверху, прежде чем медленно спуститься вниз. Смотритель станции почтительно вышел навстречу, собственноручно поднося чай и закуски. Я взглянула на А-Хуань, и та спросила его:

— А где записка, которую только что написал второй сын?

Смотритель замялся:

— Есть повеление: все бумаги, оставленные простолюдинами, должны сдаваться во дворец. Удерживать их не дозволено.

<http://bllate.org/book/16278/1466722>